
ЗАПАД И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Гранин Ю. Д.*

В статье анализируются возможности новых индустриальных стран разных регионов планеты выработать альтернативные западному модернизму стратегии модернизации. Лучшие всего это получается у Китая, Индии и Японии, модернизовавшихся на собственной цивилизационной основе. России пока не удается создать собственную модель модернизации. Она реализует стратегию догоняющего развития, поскольку власть и элиты находятся под обаянием либеральных теоретических клише, утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций образования и науки.

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, модернизация, наука, образование, цивилизация, экономика.

The article analyses the opportunities of emerging industrial countries of different regions of the world to develop modernization strategies alternative to the Western modernism. It turns out that China, India and Japan have carried out modernization on their own civilization basis and have succeeded best of all. Russia has failed to create her own model of modernization and realizes the strategy of "the catching-up development" since the authorities and elite are fascinated by the liberal theoretical cliches, and have lost the skills to understand the difficult structure and importance of social functions of science and education.

Keywords: globalization, westernization, modernization, science, education, civilization, economy.

Вопрос о выработке альтернативных западным стратегий модернизации обсуждается специалистами в контексте проблемы вестернизации – доминирующей евроатлантической исторической формы глобализации, к середине прошлого века окончательно разделившей человечество на страны первого, второго и третьего мира. Означает ли это, что будущее человечества связано с неизбежной вестернизацией стран мировой периферии и полупериферии? Каковы их шансы «на равных» вписаться, если можно так выразиться, в евроатлантический глобальный контекст и многие ли из них в обозримом будущем останутся на политической карте мира? И удастся ли тем, кто останется, выработать собственные – национальные – формы стратегий развития и какие именно?

Точный ответ на эти вопросы, разумеется, даст будущее. Но уже сейчас очевидно: многообразие вариантов ответов на сформулированные проблемы в со-

* Гранин Юрий Дмитриевич – д. ф. н., профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии. E-mail: maily-granin@mail.ru.

временных научных изысканиях зависит, в частности, от предпосланных им парадигм исследования современного мира. Рассмотрим некоторые из них.

* * *

Прежде всего обратим внимание на общеупотребительное значение термина «модерн», то есть современность – эпоха в развитии капитализма, начало которой датируется Новым временем. Именно тогда, полагали основоположники теории модернизации Р. Арон, У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт и др., первоначально локализовавшись в странах Западной Европы и затем распространившись по всему миру, сформировалась *modernity* (современность) – наилучшая (капиталистическая) хозяйственная система и одновременно передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

Эта точка зрения, интерпретирующая историю человечества XVI–XX столетий с позиций европоцентризма, была господствующей вплоть до начала 1970-х гг. Ее основной постулат – все общества проходят эволюционные стадии роста на пути от примитивной, статичной и функционально не разделенной традиционности к современности, характеризуемой господством капиталистического уклада хозяйства, выделенной персональностью, преобладанием инноваций над традициями, инновационной динамичностью, рациональным научным управлением, неуклонным материальным ростом, новым типом государственности (суверенное правовое демократическое государство), дифференциацией на функциональные сферы экономики, политики и культуры. Тем самым всемирно-исторический процесс интерпретировался в виде некоего линейного прогресса с эксплицитно заданной и, как позже выяснилось, идеологически окрашенной целью: предполагалось, что все страны должны стремиться достичь высшего уровня современности, воплощением которого были США.

Однако интеллектуалы этих стран (из Азии, Африки, но прежде всего из Латинской Америки), труды которых образовали направление постколониальных исследований, подвергли сомнению положение большинства теорий модернизации о том, что «неразвитые» страны повторяют путь, который уже прошли нынешние развитые государства. Дело в том, что многие латиноамериканские страны обрели независимость еще в начале – середине XIX в. и с тех пор неоднократно предпринимали попытки модернизации. Однако им не удалось даже приблизиться к экономикам стран Западной Европы и США. Причины такого положения дел были глубоко проанализированы в неомарксистских концепциях периферийного капитализма Р. Пребиша, зависимого развития (депендетизма) П. Бэрна, С. Фуртадо, Ф. Кардозу, концепции «развития недоразвития» А. Г. Франка и неэквивалентного обмена А. Эммануэля. Их лейтмотивом стала идея естественно-исторического развития социальных форм жизни, при котором «культура имеет значение» для развития капитализма в странах разной цивилизационной принадлежности.

В 1970-е гг. эту мысль подхватили последователи Ф. Броделя – основоположник мир-системного подхода И. Валлерстайн и его коллеги (А. Бергезен, Ф. Борншир, К. Чейз-Данн, С. Амин, А. Франк и др.), занявшиеся изучением истории становления глобальной системы капитализма. Важно иметь в виду, что мир-системная теория предложила новую методологию изучения социальной реальности, отличную не только от господствовавших в западной социологии того

времени концепций модернизации, но и от структурного функционализма Т. Парсонса. Прежде всего И. Валлерстайн изменил представление о фундаментальных объектах исследования. Он отказывается от понятия «общество» и заменяет его концептом «историческая система», подчеркивая тем самым непрерывную динамику общественных процессов, их «жизненную» природу.

Исторические системы как фундаментальные объекты исследования Валлерстайн разделяет на две группы: «мини-системы» и «мир-системы» (или миросистемы). По мысли социолога, анализу подлежат только мир-системы (world-systems) – «крупные и устойчивые во времени единицы». Мир-система для социолога – «это не просто мировая система, а система, которая сама есть мир и которая фактически почти всегда была меньше, чем весь мир» [Валлерстайн 2006: 5]. Он делит мир-системы на мир-империи – обширные политические структуры (например, Египет эпохи фараонов, Римская империя или Китай династии Хань) и мир-экономики – неравномерные цепи структур, основанные на торговле и производстве.

Таким образом, созданный И. Валлерстайном мир-системный анализ основывается на новой научной картине социального мира, вводит новый фундаментальный объект исследования – «исторические системы», меняет философские основания социоэкономического исследования. Онтологические основания его теории представляются сеткой категорий: «мир-система», «мир-экономика», «мир-империя», «время-пространство», «время большой длительности», «ядро», «периферия», «вековые тренды», «геоистория», «геокультура» и т. д.

Подчеркивая значимость этого обстоятельства, следует иметь в виду европоцентричный характер мировой динамики Валлерстайна, которая плохо согласовывалась с историческими данными, на что обратили внимание последователи «линии Броделя» в мир-системном анализе А. Г. Франк и Б. Джиллс. Они выступили против идеи Валлерстайна о зарождении капитализма в Европе и неизменном разделении мира на центр, периферию и полупериферию. Критикуя европоцентризм Валлерстайна, они доказывали, что смещение мировых центров с Востока на Запад произошло в период с 1250 по 1450 г., охватывающий первый «вековой тренд» Броделя. По их мнению, новая европейская капиталистическая система возникла на периферии существующей восточной системы. Эту точку зрения сейчас разделяют многие современные сторонники мир-системного подхода, которые на основе большого конкретно-исторического материала относят существование восточной мир-системы к Средним векам и даже к эпохе бронзового века. В итоге оформился принципиальный поворот изучения истории человечества как глобальной целостности совсем в другом ракурсе: ракурсе противостоящего евроцентризму нелинейного полицентризма исторического развития, связанного с периодическими смещениями центров мировой динамики. В работах Дж. Абу-Луход, С. Амина, Э. В. Саида, Б. Тернера, П. Кеннеди данное направление исследований получило название реориентализма. Некоторые идеи и результаты этих исследований способствовали уточнению и развитию модернистской парадигмы в социальных исследованиях, на основе которой сформировался так называемый *модернистский подход*.

Как и другие, он не является внутренне единым, а представляет сложную совокупность многочисленных теорий модернизации и постиндустриализма, находящихся между собой в отношениях конкуренции, но объединенных общим представлением о наступлении принципиально нового – постиндустриального

или постмодернистского – этапа в развитии человечества [Иноземцев 1999: 3–66]. Игнорируя пропагандируемую мир-системниками возможность смены полюсов мирового развития, представители модернистского подхода едины в негативном отношении к теориям локальных цивилизаций, предпочитая оперировать макро-историческими категориями, выстраивая проекции исторического развития по линиям «аграрное – индустриальное – постиндустриальное общества» или «досовременное состояние – эпоха (общество) модернити – эпоха постмодернити (постсовременность)». За рубежом приверженцами модернистского подхода являются Д. Белл, Э. Гидденс, П. Дракер, С. Крук, С. Лэш, а в России – В. Л. Иноземцев, С. А. Караганов и ряд других авторов.

Их объединяет одна очень простая и фатальная мысль – шансов догнать и перегнать Запад у «всего остального мира» в обозримом будущем нет. Думаю, это спорное утверждение. Прежде всего, повторю, следует помнить о нелинейности развития человеческой истории, о том, что, уходя в глубину веков, глобализация осуществлялась в сложной диалектике исторических форм – в череде многих попыток объединения человечества на основе разных конкурирующих между собой цивилизационных моделей развития [Гранин 2014а: 90–103]. С конца XVIII в. доминирующей формой глобализации окончательно стала евроатлантическая модель развития, проводниками которой были крупнейшие колониальные империи Запада. Прочно связав человечество путями транснационального финансового и промышленного капитала, международных союзов и организаций, эта навязанная многим народам форма развития уже к началу XX в. действительно стала восприниматься большинством в качестве наилучшей, побудив многие страны встать на путь догоняющей модернизации. Однако начавшаяся со второй половины 1990-х гг. третья волна глобализации вместе с тем показала бесперспективность политики догоняющей модернизации и, вызвав к жизни плюрализацию и кризис идентичности во многих незападных странах, в конце концов дала толчок к выработке их правительствами национальных моделей модернизации [Его же 2007: 116–121; 2014б].

Запад отреагировал на них очередным кризисом конвенциализации, когнитивно выразившимся в переписывании прежде казавшихся незыблемыми теоретических постулатов – новом теоретическом оправдании космополитизма, появлении концепций «рефлексивной современности», «глобального гражданства» и «глобального гражданского общества», «коммуникативной этики» и концепции «третьего пути» [Его же 2012: 807]. Ни одна из них не может предложить устраивающие всех рецепты решения глобальных проблем современности, но все они в чем-то дополняют друг друга, создают пространство диалога и активно влияют на политику правительств государств самой разной цивилизационной принадлежности. От того, в каком направлении будут двигаться эти страны, отвечая на «вызов Запада», выработывая собственные представления о прогрессе и собственные модели модернизации, зависит грядущее устройство мира. И совсем не исключено, что полюс исторического доминирования сместится в сторону нынешней мировой полупериферии, стран с иной – незападной – цивилизационной идентичностью. Определенные предпосылки для этого есть.

* * *

Многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых

направлениях НТП, либо с формированием правовой базы глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса, или, например, с сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе. Последние два предложения имеют утопический характер. Зато вполне реальны национальные формы стратегий модернизации, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен предлагается признание приоритета национальных интересов, развитие экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но главным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и национальных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности: не меняясь социокультурно, японцы провели технологическую революцию. По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Правда, их успехи в долгосрочной перспективе оказались не столь значительными в сравнении с Китаем, успех которого был особенно впечатляющим.

* * *

Китай занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых ученых, КНР дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты... Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское» [Буров, Федотова 2007: 18]. На это же обстоятельство указывает известный китайский ученый, автор программы «конфуцианского мегапроекта» Ту Вэймин: «Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы» [Ту Вэймин 2014: 11].

Китайское руководство, как и китайские ученые, исходит из того, что современная (евроатлантическая) форма глобализации является объективным процессом. Но подходит оно к ней так, чтобы извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом. Для этого с 2001 по 2010 г. Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая, специалистами, работающими в Китайской академии наук (директор центра и руководитель группы – профессор Хэ Чуаньци) были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год [Обзорный... 2011].

Поражает не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав индексы развития и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, они включили Китай лишь в число «предварительно развитых» стран, которые до-

стигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 г. Но, учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая, эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало в ходе обсуждения условий приема собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля за качеством импортных товаров и др.).

В 2010 г. Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с Соединенными Штатами по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются.

Таким образом, у китайцев явно есть чему поучиться, прежде всего тому, как отстаивать свои национальные интересы. Для руководства этой страны поиск более выгодных условий на международном рынке менее важен, чем участие в создании правил игры на этом рынке. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по их уровню занимает второе место после США.

Секрет успеха кроется в сохранении роли государства в экономике, которая особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаниями мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана с государствами Юго-Восточной Азии, оказавшимися в кризисе. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате оказалось, что лидеры модернизации – «азиатские тигры» – стали менее привлекательными партнерами для мировых транснациональных компаний (ТНК), а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, они заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на китаизацию продукции, что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвалиться другие страны полупериферии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от государственного регулирования, прежде всего в особых экономических зонах – Шанхае и Тяньцзине. Причем коммунистическое государство часто оказывается

союзником не своих граждан, а ТНК в решении трудовых конфликтов. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем у Китая в отношении ПИИ есть преимущество: приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, и именно из-за слабости государственного регулирования. Если руководство КНР пошло на сочетание различных форм собственности, то в России бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В 1990-е гг. у нас слепо копировали рекомендации МВФ, впад в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой. Помимо привлечения мировых ТНК инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость» [Ань Вэй 2005: 169].

В отличие от прежних стратегов российских реформ 1990-х гг. китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот стратегический выбор привел к небывалым темпам роста экономики, совершенно отличным от спада, пережитого Россией, где безразлично относились и к науке, и к человеческому потенциалу, несмотря на проводившиеся в РАН исследования. Видимо, все дело в выборе правильной стратегии: китайские руководители и представители интеллигенции правильно решили для себя проблему соотношения современной (в значительной степени скоренной по американским лекалам) глобализации и патриотизма – на основе приоритета национальных интересов. «Целенаправленный акцент на патриотизм, чувство национального достоинства, подкрепляемый все более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни» [Буров 2005: 49].

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России, а составляют консенсус элиты и массы. Прозападно настроенная часть китайской интеллигенции и международные правозащитные организации выражают обеспокоенность тем, что эти националистические настроения могут целенаправленно использоваться руководством КПК. Однако речь следует вести скорее о национальном консенсусе. Это особенно наглядно проявляется при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них, повторю, считают глобализацию объективной исторической тенденцией и рассматривают ее как новую стадию процесса модернизации. Которая, как считают китайцы, может быть осуществлена только на основе национального единства страны. По мнению китайских ученых, западная теория гуманитарных интервенций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмеша-

тельства в дела Югославии, Афганистана, Ирака и др., используется правящими кругами западных стран для осуществления гегемонистской политики.

Несмотря на то, что в 2013–2014 гг. темпы роста китайской экономики снизились, она продолжала оставаться первой в ряду быстрорастущих экономик Азии. В 2015 г. экономический рост в Китае составил около 7 %. Не случайно в конце 2015 г. Директор Международного валютного фонда (МВФ) К. Лагард и два десятка членов исполнительного совета фонда на заседании в Вашингтоне включили большинство голосов китайский юань в корзину ключевых международных валют, на основе которой рассчитывается стоимость специальных прав заимствования (SDR) МВФ. Таким образом, юань примкнул к престижному клубу доллара США, евро, иены и фунта стерлингов, которые образуют искусственное резервное и платежное средство, созданное МВФ в 1969 г. Кроме того, правительство планирует активно стимулировать экспорт китайского капитала за рубеж в форме ПИИ – объем китайских ПИИ в следующие 10 лет может достичь 1,25 трлн долларов.

В 2015 г. были осуществлены государственные программы инвестиций в инфраструктуру, запущенные еще в 2014 г. Было одобрено строительство 16 железных дорог и 5 аэропортов с общим объемом финансирования более 110 млрд долларов. Кроме того, рассматриваются еще более 50 проектов для привлечения частных инвестиций общим объемом около 160 млрд долларов. При их осуществлении предполагается отработать систему государственно-частного партнерства.

Правда, в последние два года Китай постепенно идет по пути дерегулирования – взят курс на допуск частного китайского капитала в отдельные сегменты экономики, прежде всего в отрасли, монополизированные госкорпорациями. Сохраняют актуальность увеличение производства высокотехнологичных товаров, увеличение доли таких товаров в общем объеме китайского экспорта. В этих условиях Китай пытается компенсировать «недобор» темпов, а также усилить позиции своей высокотехнологичной продукции расширением экспорта капитала, в том числе в рамках стратегии экономического пояса «Шелкового пути». Ее реализация предполагает создание транспортных коридоров от Тихого до Атлантического океана на основе китайских технологий в области строительства скоростных железных дорог и инфраструктурных инвестиций. Китай через разные источники – региональные банки развития, региональные фонды инфраструктурных инвестиций и др. – предоставляет странам-получателям льготные кредиты на строительство железнодорожных магистралей при условии использования китайских технологий и поставок продукции китайских промпредприятий в страну осуществления проекта. При этом используются меры поддержки экспорта – страхование, льготное кредитование и т. д.

Предполагается, что вслед за китайскими железными дорогами в страну-получатель придет китайский бизнес. В 2015 г. на продвижение «Шелкового пути» были направлены основные усилия китайского правительства во внешней политике. Географический приоритет мегастратегии на первом этапе реализации – страны Центральной Азии, далее Восточная, Центральная и Западная Европа. Соответствующее предложение было сделано и России – проект строительства высокоскоростной магистрали «Москва – Казань», а также участие китайских компаний в создании транспортного коридора «Владивосток – Москва». Планируется активное вовлечение в строительство экономического пояса китайского малого и среднего бизнеса.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от системы регулирования импорта, от ограничений деятельности ТНК и притока иностранного капитала. Однако индийские лидеры того времени в отличие от китайских руководителей усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980–1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. ПИИ не оправдали доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справиться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжелым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е гг. лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

В то же время экспансия евроатлантического глобализма не принесла Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось общее мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как однонаправленный процесс вестернизации, и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. В Индии существовало и существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате ряд из них удавалось успешно решать.

Неслучайно в первое десятилетие XXI в. экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателей Китая в 9,1 %, Индия с тех пор явно замедлила развитие. В 2010 г. темпы роста снизились до 8,8 %, в 2011 г. – до 7,1 %, в 2012 г. рост составил 6,9 %. Индия не только не сумела обогнать по этому показателю Китай, она снова последовательно отстает от него на 1–2 %. Правда, по данным исследования международного рейтингового агентства Moody's, в 2015–2016 гг. темпы роста ее экономики составят 7–7,5 %, и это будет самый высокий экономический рост среди G20 [Moody's 2015]. Но учитывая, что по показателям на душу населения КНР превосходит Индию более чем в два раза, возможные темпы роста следует воспринимать со сдержанным оптимизмом.

Нельзя сказать, что внятная альтернативная национальная стратегия в Индии уже сложилась, но все предпосылки к этому имеются. Это пестрое в культурном отношении общество способно инкорпорировать в свой состав различные куль-

турно-идеологические конструкты, сохраняя при этом свое своеобразие. У Индии, считает Т. Шриниваса, как у богатой и древней цивилизации, есть потенциал и для культурной эмиссии, и для выработки альтернативных структур современности [Многоликая... 2004: 49].

* * *

Опыт выработки национально-региональной стратегии модернизации у стран Юго-Восточной Азии принадлежит скорее прошлому, чем будущему. Успех «азиатских тигров» в 1980-е гг. был связан как раз с использованием их национально-культурных особенностей при проведении политики модернизации и открытости. Но неверной оказалась сама стратегическая линия – поиск удачного места в глобальной экономике вместо приоритетов национального экономического развития. И очередной шторм в океане мирового капитала смыл достижения этих стран. В результате глобализированные экономики стран ЮВА оказались в зависимости от капризов глобальной финансовой системы и утратили свой национальный суверенитет. Разразившийся кризис стал полной неожиданностью. И если западные инвесторы сумели выйти из него с небольшими потерями, то в самих этих странах он привел к массовой безработице, остановке производства, падению уровня жизни. Диктатуры сначала Ф. Маркоса, а затем и М. Сухарто были свергнуты, власть тайских генералов ограничена, а Чон Ду Хван и Ро Дэ У оказались под судом.

Что же касается Латинской Америки, здесь мы пока наблюдаем лишь робкие попытки выработки альтернативной западной континентальной стратегии модернизации. Народные массы в этих странах всегда отличались революционностью, а элиты ориентировались на интересы США, а не на собственные национальные интересы. Правда, в 1950–1970-х гг., когда во многих странах Южной Америки пришли к власти откровенно авторитарные политические режимы, получившие название «авторитаризмов развития», они обеспечивали – как экономическими, так и административными методами – существенное увеличение доли капиталовложений в ВВП, в том числе и за счет богатых слоев общества. Они проводили политику, направленную и на технологическую модернизацию существующей промышленности, и на создание принципиально новых для страны отраслей хозяйства, обеспечивали условия для подготовки новой рабочей силы, создавали национальные системы образования и научных исследований^{**}. При этом «авторитаризмы развития» использовали не только репрессии, осуществляя «принуждение к прогрессу». Они опирались на идеологию, обеспечивавшую общественный консенсус: общество, или по крайней мере его наиболее активная часть, соглашалось обменять политические свободы на рост материального благосостояния и расширение возможностей вертикальной социальной мобильности. Другими словами, «авторитаризм развития», с одной стороны, отбраковывал неспособную к новой работе часть населения, а с другой – открывал перспективы, в том числе и для выходцев из социальных низов, сделать карьеру честным трудом, благодаря способностям и усердию. Затем это наглядно проявилось в ходе ускоренных модернизаций в НИС Азии, а сегодня наблюдается в Китае и Вьетнаме, где принцип меритократии восходит к конфуцианской традиции.

^{**} Последнее, как правило, делалось не на начальных этапах модернизации, а после достижения приемлемого уровня промышленного развития [подробнее см.: Авторитаризм... 2005].

Однако политические трансформации 1990-х гг. привели к череде экономических крахов (Мексика, Бразилия, Перу, Аргентина), явственно свидетельствовавших, что четкое следование компрадорских элит рецептам МВФ не принесло экономического эффекта. Раскол же между элитами и массой не способствует национальному консенсусу и выработке единой стратегии модернизации. Странам континента предстоит решать задачи восстановления независимости от западных ТНК. Осознание этого объясняет приход к власти левых правительств в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Боливии, Чили, часть из которых уже стала значительно «правее» в ходе последних выборов 2015 г. Однако и они никакой серьезной альтернативы предложить не смогли. Выработка альтернативной стратегии модернизации и неолиберализму здесь – дело будущего.

* * *

Из африканских стран в качестве претендента на собственную стратегию модернизации может рассматриваться только ЮАР – государство, в высшей степени открытое западным влияниям. Это касается как белого населения, так и чернокожего и вообще цветного, традиции борьбы которого с апартеидом формировались в основном по западным же стандартам. Однако пока ЮАР отстает в плане усвоения методов преуспевания в глобальной экономике. Президент этой страны Т. Мбеки выдвинул концепцию «африканского ренессанса», включающую развитие демократии, достижение приемлемых темпов экономического развития, освобождение от бремени долга, борьбу со СПИДом, обретение культурного богатства исторического прошлого народов Африки. По существу, это стратегия привлечения западных инвестиций, придания положительного имиджа странам континента, прежде всего ЮАР, традиционно связанной с Западом. Скорее речь здесь идет не столько о выработке альтернативной стратегии модернизации, сколько об усвоении западных ценностей для решения задач индустриального периода. Безусловно, Южно-Африканская Республика является субрегиональным лидером, и ее глобальное значение будет возрастать. Альтернативная африканская концепция развития, конечно, существует, но в настоящее время она слишком слаба и противоречива. По опубликованным 6 января 2016 г. данным Всемирного банка, в 2015 г. экономический рост в ЮАР составил всего 1,3 %, а в 2016 г. прогнозировался лишь в размере 1,4 % [Доклад...].

Прочие страны мира скорее приспособляются к евроатлантическому модернизму, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается отчасти успешно – как, например, у аравийских монархий [Яковлев 2002: 72–82], хотя в полной мере усвоить западные стандарты жизни и выработать собственные геополитические стратегии и национальную модель развития здесь не удастся [Его же 2007].

Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Настало время объединить усилия Индии, Китая и России для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий для себя и других

стран. Однако в этой триаде Россия, к сожалению, в обозримом будущем не станет лидером по многим причинам. Обозначу лишь некоторые.

* * *

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, у нас только в 2010 г. была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством прежде всего в технологическом ключе, а по мнению некоторых когда-то влиятельных аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» – инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной» [Павловский 2010: 2]. В конце 2012 г. в интервью «Новой газете» Г. Павловский высказался в том же духе, заявив, что у президента и его окружения нет «стратегии, нет культуры мышления о сложных вещах» [Его же 2012]. Позже, в 2014 и 2015 гг., примерно те же оценки давали появившиеся как из-под земли разнообразные финансовые и прочие «аналитики». С глубокомыслием рассуждая о зависимости курса иностранной валюты от мировых цен на углеводороды, от международных санкций, отрезавших страну от иностранных кредитов и технологий, они предрекли России экономический дефолт и следующий за ним социальный взрыв.

Ничего этого ожидаемо не случилось. Но в критике правительства, его консультантов и экспертов было много справедливого. Думаю, большинство из них придерживаются либеральной идеологии, находятся под обаянием либеральных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного линейного прогресса. Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается. В силу цивилизационных особенностей, экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ [Рябов 2008]. «Вероятно, – замечает Александр Шубин, – наши правители осознают, что по мере смещения страны в “третий мир” она деградирует социально. Соответственно, задача перехода к модернизации может читаться как надежда переломить тенденцию деградации, развернуть вектор движения страны от регресса к возвращению на путь модерного прогресса» [Шубин 2010].

Быть может. Но дело не только в «правителях». Следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и без социаль-

ной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяется СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных элитах даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки.

Несмотря на то что начиная с нулевых годов Академия наук, разные бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, развитию конкурентных несырьевых производств и по многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного сделано не было. Зато чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования – сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы растут примерно на 20 % ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдается отрицательная динамика: в 1995 г. в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 450 тыс. В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9 %, а в России – снижается на 2 %.

В 2013–2015 гг. финансирование науки и образования сократилось с 605,6 до 572,6 млрд рублей, что отражает истинную суть обещаний властей относительно модернизации. Финансирование РАН в 2013–2015 гг. составило 111,2 млрд рублей. В 2013 г. бюджетные ассигнования на деятельность академии составили примерно 36,3 миллиарда рублей; в 2014 г. выделено 37,4 млрд рублей, в 2015-м – около 37,5 млрд. Зато на «Сколково» и «Роснано», результаты деятельности которых (исключая скандалы) видны лишь в микроскоп, в 2014 г. было потрачено более четверти миллиарда.

С учетом обострения конфронтации с США и Европой, экономических санкций и роста инфляции, в соответствии с которыми осенью 2014 и 2015 гг. наш бюджет вновь был скорректирован, очередное абсолютное сокращение финансирования науки и образования очевидно. Кстати, дальновидные правительства поступают ровно наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса. Но у нас, как водится, собственный российский путь в будущее, который, как ни странно, контролируется Западом. Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз фактически втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у нас почти нет шансов. В этих условиях о серьезной государственной поддержке отечественного образования и науки можно только мечтать.

Литература

Авторитаризм развития: Генезис, функции, перспективы («круглый стол») // МЭиМО (Мировая экономика и международные отношения). 2005. № 5. С. 41–53; № 6. С. 92–105.

Ань Вэй. Глобализация и право // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 166–170.

- Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 7–20.
- Буров В. Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. М. : ИФ РАН, 2005. С. 41–52.
- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М. : Республика, 2006.
- Гранин Ю. Д. Что такое «глобализация»? // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 116–121.
- Гранин Ю. Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 9. С. 807–813.
- Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014а. № 1. С. 90–103.
- Гранин Ю. Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб. : Экспертные решения, 2014б.
- Доклад Всемирного банка «Глобальные экономические перспективы» [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/economics/24467586/>.
- Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М. : Academia, 1999.
- Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуньаньци, Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.
- Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. № 46–47.
- Павловский Г. Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним // Новая газета. 2012. № 121. 24 октября. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/55076.html>.
- Рябов А. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. 2008. № 4. С. 4–5.
- Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 1. С. 3–12.
- Шубин А. Модернизация и постиндустриальный барьер, или Почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sh24.html>.
- Яковлев А. И. Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 72–82.
- Яковлев А. И. Страны Востока. Синтез традиционного и современного. М. : Восточный университет, 2007.
- Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>.